

«СОЦИАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Становление современной России сопровождается неизбежными в таких случаях «социальными болезнями». Уменьшение их воздействия на общественную жизнь является одной из наиболее значимых задач российской философии, решение которой возможно только при помощи социально-философского анализа причин их возникновения.

Новейшая история современной России – это нескончаемая череда реформ. Все преобразования, будоражащие российскую общественность последние десятилетия, на первый взгляд, направлены на улучшение жизни россиян. Но при более детальном рассмотрении мы убеждаемся, что реформы, проводимые во благо народа, как правило, не достигают своей цели. И на сегодняшний день мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда, с одной стороны, улучшается экономическое положение государства в целом, а с другой, растет недовольство общества сложившейся ситуацией в частности. И невольно в памяти всплывает фраза П. Столыпина: «В России любят затевать реформы только потому, что так легче скрыть неумение править».

Относительное экономическое благополучие, как видимая часть государственного айсберга, преподносится властями предрержащими в качестве основного показателя результативности своей деятельности. Разумеется, с такой позиции легче оперировать цифрами, объективно показывающими происходящие изменения. Это и увеличение золотовалютных запасов государственной казны, и разбухающий на глазах от нефтедолларов стабилизационный фонд, и выход на международные рынки лидирующих компаний. А вместе с тем возникает необходимость на государственном уровне организовывать всевозможные проекты, наделяя их статусом национальных, для того, чтобы залатать, наподобие «тришкиного кафтана», образующиеся прорехи на рубахе нашей действительности. В чем же причина такого несоответствия?

Многие ученые мужи пытаются ответить на этот вопрос с политических и экономических позиций, оперируя при этом сложными научными терминами, зачастую непонят-

ными простому народу. Но, на мой взгляд, причины такого разрыва между действиями государственно-чиновничьего аппарата и чаяниями общества лежат гораздо глубже, и решить эту задачу можно, только вооружившись философским знанием.

Современные политологи, социологи, экономисты, предлагая свои рецепты лечения «социальных болезней», как правило, забывают, что вопросы идеологии в отечественной традиции всегда были прерогативой философии. И поэтому вопрос вооружения гражданского общества идейной платформой является наиболее значимой задачей современной отечественной философии, в частности философии социальной. Не будет преувеличением сказать, что, осознавая важность стоящей перед ней задачи, отечественная философия тем не менее недостаточно настойчива в претворении имеющегося у нее арсенала философского знания в действительность. Праксеологическая составляющая всегда была «слабым звеном» философского знания. И поэтому, несмотря на наличие плеяды, на мой взгляд, выдающихся современных отечественных философов, на сегодняшний день основная задача так и не находит своего разрешения. Причин сложившейся ситуации может быть множество: начиная с попыток примерить готовые образцы, предлагаемые западной социальной философией, на российскую действительность и заканчивая нежеланием политической элиты прислушиваться к мнению специалистов, лишь по той причине, что оно идет вразрез с их желаниями. Хочется предложить вниманию читателей свой взгляд на существующую проблему.

Волна изменений коснулась всех без исключений сфер жизни российского общества, начиная с политической, что законо-

мерно, поскольку, не изменив существовавшего общественно-политического строя, было бы невозможно осуществлять дальнейшие шаги социальных преобразований.

Но для создания нового, демократического, правового государства недостаточно лишь провозглашения этого факта в Конституции. Для этого необходимо пройти весь тернистый путь становления, усугубленный тем, что времени для его преодоления на нашу долю отведено гораздо меньше, чем другим современным государствам, в которых весь процесс протекал некогда естественно, этап за этапом. Большой ошибкой реформаторов был уклон в сторону политико-экономических изменений, без уделения внимания другим немаловажным социальным институтам. Поэтому сегодня, при признании всех несомненных достижений в других сферах общественной жизни, мы вынуждены констатировать тот факт, что за все время проводимых реформ в России так и не сформировалось полноценное, отвечающее всем необходимым требованиям сегодняшнего дня гражданское общество. Об этом, в частности, говорил Президент РФ в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ. Хотя о необходимости создания такого общества говорилось неоднократно еще в самом начале преобразований.

Как известно, понятие «гражданское общество» возникло в Европе в середине XVII века. Его возникновение, в особенности его либеральную трактовку, связывают с именами известных западных философов Нового времени, Т. Гоббса и Дж. Локка. Поэтому к их терминологии стоит присмотреться внимательнее. Так, согласно воззрениям Т. Гоббса, состояние гражданского общества является возможным только при наличии государства. В своем фундаментальном философском трактате на тему взаимосвязи государства и общества «Левиафан» он отмечал: «Вне государства – владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, дикость, невежество; в государстве – владычество разума, безопасность, богатство, благопристойность, изысканность, знание и благосклонность». Из вышесказанного видно, какие надежды

мыслитель возлагал на государство, считая, что стоит индивиду передать государству все права, так сразу наступят благоденствие и порядок.

Другую позицию занимает его современник Дж. Локк, который ставит личность выше общества и государства, а свободу – выше других ценностей. «Будучи разумными, люди, – по мнению Дж. Локка, – заключают между собой общественный договор, т. е. создают гражданское общество. Оно формирует ряд защитных структур, которые должны располагаться между индивидом и государством».

Совершенно другой подход к анализу гражданского общества предлагает немецкий философ Г.В.Ф. Гегель. Согласно его мнению, опасность заключается в том, что существующее всеобъемлющее государство поглощает гражданское общество и не стремится гарантировать гражданам их права и свободы.

Если добавить сюда и позицию К. Маркса, который рассматривал гражданское общество как общественную организацию, развивающуюся непосредственно из производства и общения, то мы получим окончательное определение понятия «гражданское общество», которое отражает в себе процесс становления автономных от государства сфер жизнедеятельности человека, начало которого стало возможным с возникновением института частной собственности как основы экономической предпосылки свободы индивида.

Из вышесказанного отчетливо видно, что возникновение института гражданского общества западноевропейские философы отождествляют с возникновением в Европе буржуазного общества, которое, получив экономическую независимость, стало выступать за признание юридического равенства людей на основе наделения их правами и свободами. Недаром по-немецки *Burger* означает и «гражданин», и «буржуа». Именно такую модель развития и предлагают нам отечественные младореформаторы, зачастую забывая, что даже шедевры европейского автомобилестроения очень быстро выходят из строя на дорожных ухабах нашей россий-

кой действительности. А тем более, когда речь идет о фундаментальных идеях, которые могут предопределить развитие нашего общества в течение ближайшего будущего.

Уделяя пристальное внимание созданию необходимых элементов гражданского общества, без которых не может существовать ни одно претендующее на статус правового государство, отечественная политическая элита предпочитает забывать, а то и просто умалчивать о такой неотъемлемой его части, как политическая культура. И если большинство элементов гражданского общества во многих современных демократических государствах схоже, чем, в частности, и пользуются реформаторы, предлагающие нам уже готовые западные модели, то политическая культура – это отнюдь не та реальность, которую можно слепо копировать. Политическая культура отдельной страны формируется под влиянием многочисленных факторов цивилизационного развития общества и государства: природной и социальной среды обитания, доминирующих форм общения власти и граждан, взаимодействия ценностных ориентаций, национальных традиций – всего того, что составляет культурно-исторический опыт данного национального государственного образования. Культурно-исторический опыт России настолько противоречив и неоднозначен, что отнести ее политическую культуру к одному из известных типов представляется крайне затруднительным. Но, тем не менее, попытки исследователей охарактеризовать и классифицировать каким-либо образом политическую культуру России в ее историческом контексте предпринимались неоднократно. Заслуживает внимания типология, предлагаемая профессором А.А. Радугиным. В своих работах он высказывает возможность объединения по характерным признакам подданнического и патриархального типов политической культуры, как наиболее полно отражающих российскую действительность, основанную на национальной самобытности.

Наиболее характерными доминирующими признаками, характеризующими отличительную русскую национальную особенность, по мнению А. Радугина, являются:

зависимость индивида от власти, потребность в руководстве, привычка подчиняться власти и ожидание от власти решения всех своих проблем. С другой стороны, на эти образцы поведения накладываются ценности, установки и образцы поведения, характерные для патриархальной политической культуры. Слияние или лучше, сказать, симбиоз, этих основополагающих, характерных для подданнического и патриархального типов политической культуры признаков позволили выделить особый, применимый только для российской исторической действительности тип, который можно обозначить как **авторитарно-патриархальный тип политической культуры**.

Для такой разновидности политической культуры, по словам А. Радугина, характерно осуществлять подход к обществу «как единой, большой семье во главе с «отцом». На Руси издавна в народе было принято называть властителя «царь-батюшка», его подданных – «отроками» (детьми), социально не защищенных людей, нуждающихся в общественной поддержке, – «сиротами», а отколовшихся изгоев общества – «гулящими людьми», т. е. отщепенцами большой семьи». Традиционно верховный правитель на Руси как бы находился в родстве со своим народом. Что позволяло российским самодержцам жестко осуществлять свою политику, сопровождая ее физическим насилием и даже террором в отношении своих подданных, основанным на свойственной отечественной власти безмерной жестокости в совокупности с державным самодурством. И, тем не менее, все это прощалось терпеливым народом, как ребенок прощает любимого отца, наказывающего его. В процесс идеологического закрепления данного положения вещей ощутимый вклад внесла и Русская православная церковь. Верховная власть обрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право. Что нашло свое отражение в лозунге «За Веру, Царя и Отечество», который выдвигало самодержавие в самые кризисные для себя эпохи. И недаром предводители народных волнений, ведя за собой недовольные народные массы против самодержавия, тем не менее,

не решались забрать у простого народа любимую игрушку, веру в «царя-батюшку», поскольку не могли предложить ничего равноценного. Именно так и поступил Емельян Пугачев, назвавшись царем Петром III, история гибели которого обросла к тому времени различными слухами, так что семена упали на благодатную почву. Именно подавление пугачевского бунта, по мнению Горохова П.А., является решающим и последним актом дворянской революции, завершающей «эпоху дворцовых переворотов». В своей монографии «Правовой нигилизм: опыт философского анализа» он, в частности, отмечает: «Гражданское общество в Европе XVIII века уже сложилось в общих чертах, процесс же его создания в России сопряжен с определенными трудностями. Несхожесть форм гражданского общества в Западной Европе и в России определялась различием их социальных основ. В Европе социальной основой гражданского общества выступало третье сословие, в России – дворянство».

Характеризуя особенности гражданского общества России, П.А. Горохов замечает: «В России, в конце концов, сложилась трёхступенчатая социальная иерархия – государство, дворянское гражданское общество и народ». При этом оговаривая положение народа, вытесненного из общественной жизни в сферу «естественного состояния», каковым является состояние личной зависимости, как от господина – барина в частности, так и от власть имущих в целом.

Тем самым еще раз доказывается верность теории доминирования подданнического типа политической культуры как особенности культурно-исторического опыта России. Об этом пишет и русский философ Н.А. Бердяев, отмечая, что характерными для русского народа являются роковая неспособность и нежелание самому устраивать порядок в своей земле, наделяя при этом его женским началом, говоря о «вечно-бабьем» в русской душе. «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, ре-

цептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории», – характеризует он особенность русского национального характера. При этом Бердяев отмечает, что власть в лице государства превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало, что она живет своей собственной жизнью, по своему закону, и не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Без малого столетие отделяет от нас это высказывание, тем не менее какие недвусмысленные параллели прослеживаются с днем сегодняшним! И хотя «нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа», тем не менее сам Н. Бердяев говорит об антиномичности в отношениях народа и государства, суть которых в конечном итоге сводится к тому, что в ответ на пренебрежение со стороны государства народ отвечает ему тем же. Всегда он стремился к абсолютной свободе и правде, не совместимой ни с какой государственностью.

Важнейшей особенностью российской политической культуры являлось то, что большинство населения ориентировалось на ценности, традиционно сложившиеся в русской общине, такие как «соборность», тесная взаимопомощь, социальное равенство, коллективизм. «Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери», – отмечает Н. Бердяев. Значение также имела преданность русского народа максимализму, то есть стремлению доходить до крайности, до пределов возможного. И во многом именно благодаря вольнолюбию русских людей мы имеем такие громадные просторы, освоение которых происходило не столько за счет действия государственного механизма, сколько силами крепостного, а позднее безземельного крестьянина, бежавшего от своих господ или социальной несправедливости в поисках «воли» или лучшей доли. «Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника», – пишет Н.А. Бердяев. При этом он отмечает, что это не столько физическое, сколько духовное состояние: «Перед русской душой открываются дали, и нет очерченно-

го горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, Божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни».

Россия в своей истории уже неоднократно стояла перед необходимостью реформирования несоответствующей социальной действительности. Ровно сто лет назад состоялось назначение П.А. Столыпина председателем Совета министров Российской империи. Правительство, возглавляемое Столыпиным, получило возможность перейти к реформам, главной из которых была аграрная. Низкий уровень эффективности сельского хозяйства в России специалисты объясняли существованием общины, препятствовавшей развитию рыночной экономики. По их мнению, проблема заключалась не в абсолютном, а в относительном земельном голоде; стремиться, по их мнению, необходимо было не к предоставлению дополнительных наделов земли, а к повышению производительности крестьянского труда. Идея Столыпина заключалась в том, чтобы решить аграрную проблему, не затрагивая помещичье землевладение, обогатив одних крестьян за счет других. После **разрушения общины** земля должна была перейти в собственность крепких мужиков, разорившиеся пойдут на работу в городскую промышленность и будут переселены на окраины страны. Вслед за появлением в деревне слоя личных собственников Столыпин предполагал предоставить им экономическое и политическое равноправие с помощью реформ местного управления и суда и таким образом создать мощную опору для монархии. Пытаясь искусственно, в короткие сроки создать на российской почве среднее сословие, которое не было для нее органическим, в отличие от западных, иными путями развивавшихся государств, Столыпин возбудил недовольство крестьянских масс, что впоследствии, в годы Первой мировой войны, усугубило и без того сложную ситуацию, а затем решило исход Гражданской войны. Сама идея «поддержки сильных», в качестве основы замысла Столыпина, противоречила крестьянским, да и человеческим поняти-

ям о справедливости. Поэтому сегодня мы можем констатировать тот факт, о котором не стоит забывать и нынешним реформаторам, что столыпинские реформы смогли решить экономическую составляющую стоявшей перед государством задачи, но вместе с тем они же явились первым шагом к пропасти социальных преобразований. И во многом этому способствовало разрушение существовавшего многовекового уклада жизни народа, базировавшегося именно на патриархальной основе общинного строя.

Деревенская община, с одной стороны, становившаяся тормозом развивающихся капиталистических отношений, с другой стороны – являлась сдерживающей основой морально-нравственных взаимоотношений в обществе. Неправильным было бы считать, что этот вопрос, вопрос сохранения национального самосознания, ни в коей мере не волновал инициаторов преобразований. Необходимо учитывать, что, проводя реформы, они прежде всего выступали с государственных позиций, что явно видно из выступления П.А. Столыпина перед Государственной Думой «Дайте России покой!»: «Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту... Я не буду останавливаться... на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу... Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического про-

шлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

В данном выступлении четко прослеживаются основополагающие принципы, которыми руководствовались организаторы проекта, выступавшие за необходимость проведения коренных преобразований, которые позволили бы экономике России не отстать от западных экономически развитых государств. И выдвигая в качестве приоритетных экономические изменения, контролируемые государством, правители государства решение вопросов сохранения национального самосознания доверили людям, наиболее для этого подходящим, а именно наиболее просвещенным в этом вопросе, русской интеллигенции, в авангарде которой всегда выступали представители отечественной философии.

Недаром этот период конца XIX – начала XX века называют «золотым веком» духовной жизни России. На это время пришелся расцвет русской философии, а вместе с ней литературы и искусства. Видными представителями религиозного направления философии того периода были С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, братья Трубецкие. Естественнонаучная философия была представлена в творчестве ученых-естествоиспытателей И.М. Сеченова, Д.И. Менделеева, К.А. Тимирязева, М.М. Ковалевского. Идея «космизма» нашла отражение в трудах А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского. Но наибольшего внимания применительно к нашей теме заслуживают идеи, предлагаемые основоположниками русского экзистенциализма Л.И. Шестовым и Н.А. Бердяевым.

Русскую философию как феномен мировой философской мысли всегда отличала глубина, всесторонность, достаточно специфический круг исследуемых проблем, порой непонятных для прагматичного Запада. Особенно русских философов интересовали проблемы морали и нравственности, выбора исторического пути развития России – между Востоком и Западом, проблема социальной справедливости, проблема идеального общества, проблема власти и государства,

проблема будущего. Но ключевую позицию во все времена занимал поиск ответа на исконно русскую проблему – загадочность русской души. Со времен Иллариона и Владимира Мономаха делались неоднократные попытки определить особенности русского национального характера. На мой взгляд, ближе всего к истине концепция, предложенная Н.А. Бердяевым.

Особенного внимания заслуживает его книга «Судьба России», куда вошли статьи, написанные им за время от Первой мировой войны до революции. Сборник начинается статьей под знаковым названием «Душа России». О чем же хочет поведать автор своим читателям? «Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании», – пишет он. Разумеется, любая война, а мировая в особенности, обостряет все общественные отношения, унося все наносное, ненужное, как океан после шторма, обнажая самое сокровенное, непреходящее, все то, что имеет судьбоносное значение для народа. Но разве исторические изменения, особенно совершаемые посредством революционных преобразований, не играют точно такую же роль в судьбе нации? Именно с такой позиции стоит уделить пристальное внимание его идеям, не теряющим своей актуальности и в наши дни. «Русская национальная мысль, – отмечает Бердяев, – чувствует потребность, долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, непохожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы, как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не

может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро осознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа».

Насколько созвучны эти слова реалиям дня сегодняшнего, несмотря на почти вековую пропасть! Это еще раз подтверждает мнение о возможности поиска ответа на проблемные вопросы дня сегодняшнего в прошлом, в истории философии. «Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, – то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире», – считает Бердяев.

Разумеется, невозможно разработать рецепт лекарства, которое бы могло служить панацеей для лечения всех «социальных болезней» современной России. Автор всего лишь пытался определиться с возможностью, пользуясь медицинской терминологи-

ей, постановки диагноза. А также с направлением поиска тех ингредиентов лекарства, наличие которых позволило бы если не окончательно вылечить, то хотя бы локализовать их развитие. И поэтому, на мой взгляд, данная проблематика требует всестороннего философского анализа, который невозможен без детального изучения и рассмотрения всех возможных и приемлемых аналогий, которые предлагают нашему вниманию труды наиболее авторитетных философов, в особенности русских философов XIX-XX веков.

И именно поэтому в качестве заключения хотелось бы привести слова Н. Бердяева, которые он сам выбирает в качестве послесловия: «Господство политики, как и господство экономики, есть извращение иерархического строя жизни. Объединение должно происходить в мире по другому принципу, по другому критерию. Духовная жизнь должна вновь занять подобающее ей иерархически преобладающее место. Люди должны соединяться прежде всего по духовным, а не по политическим признакам и принципам. И тогда только в мире произойдет духовное возрождение. Власти внешней общности над человеческой душой должен быть положен предел».

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: «ЭКСМО», 2004. – 735 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 668 с.
3. Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Том 1. – М.: Мысль, 1989. – 621 с.
4. Горохов П. А. Правовой нигилизм: опыт философского анализа. Оренбург, 2000. – 169 с.
5. Политология: Учебник/ Под. ред. Р. Т. Мухаева – М.: «ДРОФА», 1997. – 381 с.
6. Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Том 2. – М.: Мысль, 1985. – 558 с.
7. Политология. Курс лекций/ Под. ред. А. А. Радугина – М.: «ЦЕНТР», 2000. – 335 с.